

Глава 38: Слишком стыдно.

—
Едва закончились уроки, Цзян Сюньюй поспешно собрал вещи, «топ-топ-топ» побежал вниз, оставив Шэнь Цюяна, который еще не успел среагировать, с протянутой рукой, беспомощно глядящим вслед убегающему Цзян Сюньюю.

Он беспомощно опустил руку, покачал головой, предполагая, что Цзян Сюньюй так торопится уйти, потому что это с вероятностью в девять из десяти связано с адмиралом Цзи.

Шэнь Цюян угадал. Цзян Сюньюй почти бегом возвращался домой. Войдя во двор и увидев, что в кабинете Цзи Юйчжоу еще горит свет, он наконец резко выдохнул с облегчением.

Он сделал несколько глубоких вдохов, похлопал себя по красному и горячему от быстрого бега лицу, поправил немного спутанную одежду, одернул большую шляпу и волосы под ней, и шаг за шагом пошел наверх.

Вернувшись в комнату, Сяо Си лениво лежал на кровати: «Сяо Сюньюй, вернулся?»

«Мм».

Цзян Сюньюй сразу перешел к сути: «Господин Цзи еще не уехал?»

Сяо Си кивнул, подлетел к Цзян Сюньюю: «Наверное, не уехал».

Цзян Сюньюй кивнул, положил рюкзак на кровать, открыл молнию, достал две книги, глубоко вздохнул и потянулся к дверной ручке.

Сяо Си поспешно окликнул его: «Эй! Ты только что вернулся, зачем уходишь? Куда идешь?»

«Есть дело».

Цзян Сюньюй, не оборачиваясь, закрыл дверь, оставив Сяо Си, который только что лениво спал и еще не полностью включился, растерянно смотреть на дверь: «Что с этим ребенком... происходит...»

Цзян Сюньюй решительно покинул комнату, но, подойдя к кабинету, замедлил шаг.

Колеблясь, не решаясь, он в конце концов остановился в нескольких метрах от кабинета.

Простояв так у двери кабинета пол часа, Цзян Сюньюй несколько раз почти касался пальцами большой деревянной двери, но снова в нерешительности отдергивал руку.

Господин Цзи в последнее время редко бывал дома. Наконец вернулся. Он хотел воспользоваться любой возможностью, чтобы провести с ним больше времени, но боялся, что господин Цзи посчитает его навязчивым.

В конце концов, любовь, которая наполняла его сердце и глаза, победила робость и страх. Цзян Сюньюй, закрыв глаза, тихо постучал дважды в деревянную дверь.

«Тук-тук... тук-тук...»

Цзи Юйчжоу уже давно слышал шорох за дверью.

Проведя с ним много времени, Цзи Юйчжоу мог отчетливо различить шаги ребенка. Колебание, нерешительность, блуждание... В сердце Цзи Юйчжоу все было как на ладони, он легко почувствовал эмоции Цзян Сюньюя.

Он незаметно вздохнул: «Входи».

Цзян Сюньюй сглотнул и отворил тяжелую дверь.

Он покорно подошел к Цзи Юйчжоу, остановился: «Господин Цзи...»

«Что?»

«Простите... Вы сейчас свободны... У меня есть задача, которую я не могу решить, хотел бы у вас спросить...»

Цзян Сюньюй действительно не умел быть инициативным, и, возможно, потому, что скрывал эту маленькую тайну, его взгляд был блуждающим, мерцающим, в его голубых глазах словно стояла дымка.

Его осторожный вид Цзи Юйчжоу никак не мог отвергнуть.

Ну и ладно, все равно он не пробудет дома долго. Разрешит ребенку еще раз.

Так подумал Цзи Юйчжоу и слегка кивнул: «Мм, иди сюда».

Радость в глазах Цзян Сюньюя промелькнула. Он, обняв учебник, подошел к Цзи Юйчжоу: «Господин Цзи, вот эта задача. Я пробовал...»

Они сидели очень близко. Нечаянно, рука Цзян Сюньюя задела запястье Цзи Юйчжоу.

Цзян Сюньюй смутился и сконфузился, поспешно извинился: «Простите, господин Цзи!»

«Ничего страшного».

Цзи Юйчжоу незаметно отдернул руку. В его низком голосе не было слышно никаких эмоций. Там, где Цзян Сюньюй не мог видеть, его пальцы непроизвольно поглаживали кожу, к которой только что прикоснулись.

Казалось, там еще оставалось тепло тела Цзян Сюньюя.

Цзян Сюньюй долго жил в доме адмирала Цзи, и от него исходил легкий древесный запах, очень похожий на запах Цзи Юйчжоу.

Словно первобытное чувство обладания, сердце Цзи Юйчжоу было переполнено удовлетворением. Это чувство было мимолетным, настолько быстрым, что Цзи Юйчжоу не успел его заметить.

Он просто почувствовал себя счастливым.

Цзи Юйчжоу взял ручку из руки Цзян Сюньюя и плавно написал шаги решения задачи.

После долгих тренировок Цзян Сюньюй наконец смог сохранять спокойствие, когда Цзи Юйчжоу объяснял ему задачи вблизи, но все равно каждый раз его сердце стучало, как у маленького олененка.

Металлический стержень ручки издал четкий звук при контакте с деревянным столом. Цзи Юйчжоу тихо спросил: «Понял?»

Цзян Сюньюй кивнул, все еще бережно собирая черновики, которые использовал Цзи Юйчжоу: «Понял, спасибо, господин Цзи».

Его база была слабой, но он был не глуп. Усердные усилия в сочетании с наставлениями Цзи Юйчжоу позволяли ему все лучше следовать за темпом и ритмом обучения.

В этот раз, придя к Цзи Юйчжоу с вопросами, задач было значительно меньше, чем раньше.

Цзи Юйчжоу кивнул, не выгоняя его, и позволил ребенку остаться в кабинете делать домашнюю работу.

В кабинете стало тихо. Цзян Сюньюй старался даже перелистывать страницы как можно тише, пытаясь не мешать Цзи Юйчжоу.

Часы шли круг за кругом. Цзян Сюньюй очень хотел, чтобы время шло медленнее, еще медленнее, или было бы ещё лучше, если бы время остановилось в этот момент навсегда.

Только...

На улице постепенно стемнело. Звезды заполнили ночное небо, яркие, сверкающие. Впервые Цзян Сюньюй почувствовал, что сияющее звездное небо ужасно неприятно.

Наконец, Цзи Юйчжоу поднял глаза и посмотрел в окно: «Уже поздно. Возвращайся».

В сердце Цзян Сюньюя было сто причин не соглашаться, но не было ни одной причины отказать. Он медленно-медленно кивнул, очень медленно встал, медленно собирая свои вещи.

Цзи Юйчжоу нахмурился. Ребенок явно был чем-то обеспокоен.

Его палец указал на ручку, которую Цзян Сюньюй забыл на столе: «Есть еще что-то?»

«Не...» Цзян Сюньюй наполовину произнес слово «нет», но на середине изменил его, издав тихий стон из носа: «Мм».

Он, сжимая кончики пальцев, медленно, тихо, слово за словом спросил: «Господин Цзи, вы... вы когда уезжаете?»

В его мягком голосе звучала явная неуверенность и немного едва скрываемая мольба, ясно говоря Цзи Юйчжоу, что он не хочет, чтобы тот уезжал.

Цзи Юйчжоу в душе вздохнул. Наверное, он в последнее время действительно пренебрегал ребенком.

В прошлый раз, когда он уезжал, он не разбудил спящего Цзян Сюньюя. Цзи Юйчжоу тоже все время думал об этом, размышляя, не слишком ли он жесток к ребенку.

В конце концов, ребенок столько страдал раньше, и только он был добр к нему. Это естественно, что у ребенка возникает чувство зависимости. Ребенок все еще замкнутый по характеру и не любит разговаривать, поэтому давайте не будем торопиться.

Цзи Юйчжоу начал объяснять: «Извини, я в последнее время немного занят, редко бываю дома. Когда этот период пройдет, я постараюсь возвращаться чаще».

Цзян Сюньюй по привычке хотел сказать, что ему все равно, но подумал, что это слишком фальшиво, даже он сам в это не верит. Поколебавшись немного, он сменил тон: «Спасибо, господин Цзи».

Голос был тихим, по-прежнему без каких-либо жалоб.

Цзи Юйчжоу тихо рассмеялся, естественно погладил его по голове: «Пораньше ложись спать. Не волнуйся, в этот раз я сообщу тебе заранее, прежде чем уехать».

Это было самым важным для Цзян Сюньюя. Камень, который висел у него на груди и едва держался, упал. Он вздохнул с облегчением, еще раз почтительно поблагодарил Цзи Юйчжоу и с вещами вернулся в свою комнату.

Сяо Си сидел в комнате, скучая без дела. Услышав, как открылась дверь, он взволнованно подлетел ко входу: «Сяо Сюньюй, ты вернулся!»

«Мм», — кивнул Цзян Сюньюй, его настроение явно было гораздо лучше, чем когда он уходил.

«Куда ты ходил?»

Цзян Сюньюй убрал учебники. Как обычно, аккуратно сложил написанное Цзи Юйчжоу и положил в ящик. Он специально купил маленькую деревянную коробочку, в которой хранилось все, написанное Цзи Юйчжоу: «Просто... ходил к господину Цзи с вопросами».

«Я так и думал», — Сяо Си, прищурился, улыбнулся, — «Только когда дело касается господина Цзи, ты так усерден».

Поскольку его часто дразнили, реакция Цзян Сюньюя была не такой сильной, как вначале. Он что-то промямлил, отвечая ему, и пошел принимать душ.

Летние вечера были шумными, миром цикад и поющих птиц. Но Цзян Сюньюй спал очень крепко.

Остатки запаха господина Цзи давали ему необычайное чувство спокойствия.

В полузабытьи ему казалось, что он погружен в огромное мягкое облако, а большая рука нежно гладит его с головы до ног. Пальцы этой руки были длинными, с отчетливыми суставами, а кожа была слегка прохладной. Он знал, что это рука господина Цзи.

Это прикосновение делало Цзян Сюньюя очень комфортно, это было чувство, которое он никогда раньше не испытывал. Ему казалось, что он превратился в послушного ежика, осторожно обнажив мягкий живот, спокойно ожидающего милости нежной большой руки.

...

Внезапно Цзян Сюньюй, весь в поту, открыл глаза.

Под тонким летним одеялом все было влажным.

Еще не рассвело. «Чи-ва, чи-ва» - стрекотание цикад доносилось до ушей Цзян Сюньюя, вызывая необычайное раздражение.

Он тихонько слез с кровати и пошел постирать нижнее белье.

Влажное ощущение все еще словно липло к рукам. Цзян Сюньюй стоял у кровати, глядя на шуршащие на ветру листья, его мозг был пуст.

Сяо Си все еще лежал на зарядном устройстве на столе, полусонный, и пробормотал: «Сяо Сюньюй, что ты делаешь? Почему не спишь посреди ночи?»

Цзян Сюньюй ответил: «Сейчас лягу». Но не вернулся в кровать.

Он все-таки был взрослым, и понимал, что нужно понять. Раньше у него тоже были подобные физические реакции, но это был первый раз, когда в голове был какой-то отчетливый образ.

Он постоял еще некоторое время, позволяя ветру обдуть его, сдувая весь пот без остатка. Однако запах все еще ощущался.

Цзян Сюньюй вернулся в кровать, сонливость полностью исчезла. Краснея, он свернулся под одеялом.

Хотя часто говорят, что дневные мысли приходят ночью во снах, но это действительно было... слишком стыдно.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131913>